

ОСОБЕННОСТИ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ МОДИФИКАЦИЙ ТАЙНОЗНАНИЯ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ КУЛЬТУРЕ

Проанализированы основные особенности теоретических модификаций тайнознания средневековья, которые теперь точнее называть условно-теоретическими, т.к. главным источником познания мира в христианстве считается Божественное откровение, которое постигается не с помощью научно-теоретических доказательств, а в акте веры. Определена генетическая функциональная родственность христианства и тайнознания. Выявлено парадоксально-двойственное отношение официального христианства к тайнознанию. Прослежены трансформации социокультурных функций тайнознания.

Ключевые слова: тайнознание, средневековье, модификации, христианство

Гриньова Н.В. Особливості теоретичних модифікацій таємнознавства в середньовічній культурі. *Проаналізовано основні особливості теоретичних модифікацій таємнознавства середньовіччя, які точніше було б називати умовно-теоретичними, оскільки головним джерелом пізнання світу в християнстві вважається Божественне откровення, яке досягається не за допомогою науково-теоретичного пізнання, а в анті віри. Визначено генетичну і функціональну спорідненість християнства і таємнознавства. Виявлено парадоксально-двоїсте ставлення офіційного християнства до таємнознавства. Простежено трансформації соціокультурних функцій таємнознавства.*

Ключові слова: таємнознавство, середньовіччя, модифікації, християнство)

Grinjova N.V. Peculiarities of theoretical modifications of cryptoknowledge in medieval culture. *The main peculiarities of theoretical modifications of medieval cryptoknowledge are analysed which should be accurately called relatively theoretical as the main source of global knowledge in Christianity is Gods revelation. This revelation is perceived using scientific and theoretical proofs as well belief. The genetic functioning likeness of Christianity and cryptoknowledge is determined. The paradox two-faced attitude of the official Christianity to the cryptoknowledge on the whole and the witchcraft, in particular is revealed. The transformations of social and cultural functions of cryptoknowledge in medieval culture.*

Key words: cryptoknowledge, medieval, modifications, Christianity.

Мы живем в удивительное время, когда несмотря на затянувшееся политические и экономические кризисы, практически во всех сферах общественной жизни, и прежде всего в духовной культуре, наблюдается необыкновенных интерес массового сознания ко всему тому, что долгое время находилось в роле интеллектуального маргинала. Социокультурные потребности современного общества апеллируют к различного рода нетрадиционным способом организации жизни (как на уровне публичности, так и на личностном), а также стремления – вполне оправданные – гармонизации индивидуального и социального бытия даже в условиях всевозможных «кризисов и трансформаций». Иными словами «потребности» провоцируют обращение к изучению и осмыслению тех форм представлений о мире и человеке, которые исторически были «закрытыми», доступными лишь посвященным, определенным образом избранны и составляли основу оккультных практик. Используя понятие «тайнознание» можно теоретически отобразить многогранность феномена эзотеризма в исторической ретроспективе и системно проанализировать через его модификации, продолжив анализ, начатый в работах [6;7].

В этой связи все вышеизложенное указывает на *актуальность* философского анализа феномена тайнознания в различных его модификациях.

Цель настоящей работы состоит в том, чтобы раскрыть статус, корни и функции тайнознания в культуре. В данной статье мы остановимся на средневековой культуре.

Для достижения поставленной цели необходимо решить задачи, связанные с анализом развития тайнознания, изменения его интерпретационных возможностей в данном случае в

христианском средневековом социокультурном контексте (так как архаический период более детально был рассмотрен в работе [6]).

Научная новизна заключается в том, что тайнознание, являясь неотъемлемой и одной из древнейших форм духовной культуры, имеет культурно-исторический характер: разные культурно-исторические модификации, социокультурные репрезентации и формы организации, во всем разнообразии которых существует определенное единство – приобщенность к онтологической Тайне.

Развитие феномена тайнознания, начиная с момента возникновения христианства, происходит в новой культурно-исторической обстановке, в отличной от античности атмосфере. Особенности средневековой культуры обусловили формирование новых культурно-исторических модификаций тайнознания, его функций, которые и будут рассмотрены в данной статье. Выявление модификаций тайнознания в средневековой культуре осуществлялось на базе изучения многочисленных работ, основными из которых являются работы Аврелия Августина [2;3], Иоанна Златоуста [11], В.Уэвелля [12], Нового Завета д-ра Леманна [9], Элиаде [14], Шюре [13] и др. [5,10]. Специальных работ по исследованию и выявлению модификаций тайнознания этого периода нет.

Развитие феномена тайнознания в средневековье непосредственно связано с возникновением и распространением христианской религии, с ее культурой и парадоксами. В античной культуре тайнознание развивалось по трем основным направлениям: теоретическому, духовно-практическому и практическому. В средневековье эти направления развития тайнознания сохраняются, но в связи с переоценкой ценностей, сменой установок сознания, сменой отношения к знанию и в том числе тайнознанию, их содержание существенно изменяется.

С одной стороны, содержательно теоретическое тайнознание во многом сохраняет связь с античностью, поскольку никаких радикально новых фундаментальных программ средневековая наука не создала (в наследство от античности было получены: атомическая программа Демокрита; математическая – пифагорейцев и Платона; континуалистская Аристотеля).

С другой стороны, в связи с развитием теологии, теоретические модификации тайнознания средневековья сдвинулись как бы в сторону парадоксального теоретико-познавательного отношения к сверхчувственному (божественному), невидимому миру как единственному миру и как единственно достойному объекту изучения (что совпадало с платоновской точкой зрения). Но если в платоновском понимании высший мир идей мог быть постигнут только посредством высшего рационального познания, то сверхчувственный божественный мир христианства оказался совершенно непроницаемым для теоретического мышления. В «Ареопагитиках» отмечается, что божественный мрак – это тот недосыгаемый свет, в котором, как сказано в Писании, обитает Бог. Но свет этот незрим по причине чрезмерности и недосыгаем по причине переизбытка сверхсущностного светолития. И в этот мир вступает всякий, кто сподобился познавать и видеть Бога именно через неведение и непознавание, но воистину возвышается над видением и познаванием, зная то, что Бог – во всем чувственном и во всем умопостигаемом, и возглашая вместе с псалмопевцем «Дивно знание твое для меня, укреплено оно, и не могу я подняться к нему» (Письмо V, «Послание к священнослужителю Дорофею», 1974 А) [5, с.110].

В средневековье все, что связано с тайным, христианство берет под свой контроль, хотя само неразрывно связано с мистикой и мифологией.

В средневековье мистическое, смешанное с мифологическим, возрождается в новой христианской религии и навсегда закрепляется в умах как вечное и неуничтожимое.

Элементы мистицизма начали проникать в Александрийскую богословскую школу, основанную в III столетии Флавием Климентом, когда наметились тенденции сближения христианства с эллинистической философией. Вильям Уэвелль так описывает само понятие мистицизма: «Так, вместо того, чтобы относить события внешнего мира к пространству и времени, к осязательной связи и причинам, люди старались подвести такие явления под духовные и сверхчувственные отношения в зависимость; они относили их к высшим разумным существам, к теологическим обстоятельствам, к прошедшим и будущим событиям в нравственном мире, к состояниям ума и чувств, к созданиям воображаемой мифологии или демонологии» (12, с.353).

Однако как ни велико было влияние христианства на ход мысли средних веков, оно, конечно, не могло сразу преобразовать общество и уничтожить результаты тысячелетнего культурно-исторического развития, которое неразрывно связано с признанием непознаваемого, сверхъестественного, которое христианство называло то искусством чародейства, то ересью. Однако, те из древних языческих понятий, нравов, обычаев, традиций, которые в определенной

мере были совместимы с христианством, сохранились, получив новое мировоззренческое обоснование.

Парадоксально-двойственным является и отношение христианства к тайнознанию, связанному с колдовством. С одной стороны (до середины XIII в.), католическая церковь признавала существование дьявола, а с другой – официально никогда не возбуждала обвинение в ведовстве, т.к. отрицала возможность колдовства (чародейства). Но церковь признавала ересь, которая характеризовалась, с одной стороны, ошибкой в мышлении, а с другой – упорством в этой ошибке. В силу этого колдовство до определенного времени не считалось ересью. Ведь верою в дьявола не совершается ошибка в мышлении, и упорство колдуна не является еретическим, поскольку он упорствует не в ошибке, а в том, что действительно существует, и что фактически подтверждается и церковью, и всеми ее авторитетами. В это время считалось достойным наказания не чародейство, а вера в него. В 785 году на падерборнском синоде было принято такое постановление: «Кто ослепленный дьяволом, подобно язычнику, будет верить, что кто-либо может быть ведьмой, и на основании этого сожжет ее, тот подлежит смертной казни». Это постановление было утверждено Карлом Великим и в течение следующих столетий служило указанием для Франкской церкви при всех обвинениях в ведовстве [9, с.73].

Только в середине XIII века произошла полная и внезапная перемена в отношении церкви к вопросу о ведовстве (колдовстве), когда Фома Аквинский, один из авторитетнейших учителей церкви того времени, высказал мнение, что чародейство возможно. Его мнение было принято церковью и поддерживалось ею в течении нескольких веков. Такой переворот в сознании стал возможен в силу ряда социально-политических изменений, связанных, в основном, с крестовыми походами. Благодаря крестовым походам европейцы познакомились с естествознанием и магией, которая ревностно культивировалась маврами (арабами), что способствовало в дальнейшем развитию научного знания. Так, Альберт Великий, Роджер Бэкон и Арнольд из Виллановы считались во всей Европе чародеями благодаря своим знаниям по естествознанию и умению проводить необъяснимые для народа фокусы.

Католическая церковь для борьбы с демонами указывала средства, основанные на христианских воззрениях. Нравы и обычаи, не противоречившие основным положениям христианства, были парадоксальным образом сохранены и приспособлены к различным обстоятельствам. Например, сохранились старые судебные обычаи с новым религиозным толкованием, такие как Божьи суды. И только мистическая связь с Абсолютом объявлялась священной и неподвластной никаким изменениям и сомнениям. В средневековой культуре считалось, что к познанию Абсолюта как вечного отсутствия ведет путь «под знаком забвения», а к познанию Абсолюта как вечного присутствия ведет путь «под знаком памяти». Неиссякаемая жажда памятования, исхоженность путей памяти, страх на миг забвения, – вот неотъемлемые черты монотеистического мировоззрения.

Одна из особенностей тайнознания средневековья состоит в том, что из иллюзорно-практических модификаций образуются мировые религии, которые опираются на мистику, традиции и память. Поэтому теоретическое исследование единства человеческого и божественного сводятся к исследованию значения памяти. В таком контексте теоретические модификации тайнознания вернее было бы назвать условно-теоретическими, т.к. они опираются не на гипотезы и научно-теоретические доказательства, а сводятся к разъяснению важности памяти в библейских текстах.

«Религией памяти» можно считать иудаизм как религию Книги. Страстная приверженность традиции, жажда возвращения к истокам, культ прошлого и почитание святых предков, устремляя сознание верующего к первоначальным событиям священной истории, превращают иудаизм в одну из наиболее памятливых религий мира, что связано с самой сутью учения. Древнееврейская религиозность базируется на идее творения мира и человека: человек был сотворен совершенным предвечным существом, единым с Богом. Однако человек нарушил запрет Бога и, напившись тайным знанием, пал и был отторгнут от Божественного Света и единственное, что сохранил, – память о нем. Первый человек передал своим потомкам память об утраченном высшем блаженстве как знание о потерянном Абсолюте и как гарантию возможного возвращения к состоянию грехопадения [10].

Но со временем эта память стала ослабевать и первочеловек использовал своеобразную форму тайнописи: кодирование знания (что впоследствии использовалось всеми тайнознавцами, в том числе Пифагором, Парацельсом, Нострадамусом и др.). Первый Адам передал эту память потомкам в виде символов и ключей к их истолкованию. Эти символы – искры пра-памяти,

компактные «стомы» хранения знания – не только буквы Писания (о чем говорится в Каббале). Это символы, которые окружают человека повсюду в мире и как «иероглифы природы», и как рукотворные вместилища памяти о первоначальном единстве Бога и человека. Открытие этих символов, освобождение скрытого (тайного) в них света знания – это и есть суть духовного делания. И далее начинается традиция – передача памяти о тайном знании из поколения в поколение.

Каббала – это одновременно теоретическое, духовно-практическое и практическое тайнознание. Да это и не удивительно, т.к. язык Каббалы имеет утонченный характер иносказания. Он полон притч и аллегорий. То, что в христианской герменевтике именуется теорией четырех смыслов прочтения Библейского текста (буквальный, аллегорический, моральный и аналогический), имело истоком представления иудаизма. Углубление и восхождение к тайне подобно совлечению завес – покровов тайного знания. В повторении 72-х Имен Бога, которые пишутся 216-ю буквами, душа призвана возвышаться, озаряться сиянием.

В огне неопалимой купины Бог называет Моисею Свое Тайное Имя и повелевает нести память о нем сквозь историю: «Я есть Сущий... Вот имя Мое навеки, и памятование обо Мне из рода в род» (Исх. 3.14-15).

Тайнознание всех монотеистических религий, в том числе и христианства, основывается на религиозной традиции – памяти, связывающей Абсолют и человека. Т. е. особенностью и сердцевинной тайнознания монотеистических религий (особенно в период средневековья) является наличие так называемого мнемонического круга, начинающегося и замыкающегося в Боге. Евангелисты наделяют ветхозаветные понятия новыми смыслами, и наследуют прежние смыслы как отвлеченные идеи, облекая их в новые понятия. Так иудаистский мотив изгнания и возвращения воплощен в евангельской притче о блудном сыне. Пути духа – блуждание между забвением Истины и памятью о ней. Блудный сын был мертв и ожил, пропал и нашелся, ушел из дома и вернулся. Кто не страдал, тому не дано возрадоваться; кто не согрешил, тому неведом вкус милости прощения греха, кто не забывал, тому не дано вспомнить. Евангельский мнемонический круг неразрывно связан с памятью. (Лк. 4;15.8-9,11-32 и др.).

Новое звучание Евангелие придает размышлениям об Абсолюте и человеке. Абсолют воплотился на земле, Бог «вочеловечился» – «Абсолют и человек» – «Иисус Христос и Его ученики». Здесь тайнознание неразрывно связано с пророчеством, с откровениями. Евангельские сюжеты о связях памятования между Иисусом Христом и Его учениками сводятся к трехчастной последовательности: 1) изначально устами библейских пророков или самого Иисуса Христа провозглашается пророчество; 2) ученики Христовы забывают об этом; 3) когда пророчество сбывается, ученики вспоминают, что совершившееся «уже было» предсказано в Писании или словах Учителя.

Такова история тайного отречения Петра. Всякий раз вновь-обретение становится потрясением, чудом. Сбывание пророчества (это главная особенность тайнознания), воспоминание предсказанного – своего рода «de ja vu», встреча с «уже виденным». Иисус говорит: «Я сказал вам о том, прежде, нежели сбылось, дабы вы поверили, когда сбудется» (Иоан.14:29). Человеческая память выстраивает свой порядок: вначале происходит событие, а воспоминание следует за уже осуществившимся. В мире сверхъестественном естественный порядок опрокинут: пророчество – «воспоминание о будущем» – предшествует событию. Все, что происходит в мире, следует за пророчеством и есть «осуществление ожидаемого». Вторжение чуда «обращает время» и «обращает в веру». Здесь вера равна знанию. Неверующие («забывшиеся») полагают, что мир существует без Божьего плана. Обращенный в веру («вспомнивший») знает, что происхождение в мире есть осуществление предвечного Промысла, сбывание пророчеств. Евангельское бытие есть сбывание, прораствание семян божественной пра-памяти, воспоминание того, что уже было «прежде нежели сбылось».

Религиозные праздники – это также возобновление в памяти событий священной первоистории, это празднества в воспоминании исторических событий, происходящих лично с каждым празднующим. В таком контексте воспоминания и память формируют сознание субъекта и структуру тайнознания (его уровни), постепенно обогащаясь общечеловеческими наработками, а затем выкристаллизовываясь в откровения.

Таким образом, если во времена Сократа тайнознание помогало познать себя через воспитание, через познание сути добродетели, через внутренний голос, который Сократ называл даймонионом, и который имел божественное происхождение, то христианское тайнознание пошло дальше. Оно открыло внутреннего человека, основное внимание которого было обращено не к

макрокосмосу (единому, лишенному всякого образа, началу), а к надкосмическому творцу. И что глубины «внутреннего человека», его воспоминание и память, сам человек не может познать без сверхъестественной помощи, т.к. это связано с его душой, а душа надкосмична, трансцендентна и вечна. Ее исследование является первоочередной задачей, ибо это связано со спасением человека, с искуплением его тайных и явных грехопадений, а добиться этого можно с помощью покаяния, слившись с божественным откровением, которое может прийти только в уединенном сосредоточении (медитации).

В понимании средневекового человека, в отличие от античного, – воля и формировался как знание, которое было в центре этики, то в средневековье тайнознание формируется как знание через веру. Здесь познание понимается как акт веры и любви, не разума, а воли. Но вера эта – без попытки раскрыть тайну, вера как абсолютное доверие к непостижимому. Эта вера сверхразумна и парадоксальна, словно вся она умещается во фразе философа: «либо существует парадокс, согласно которому единичный индивид в качестве единичного состоит в абсолютном отношении к абсолюту, либо Авраам погиб» [14, с.109]. Каждый шаг земного пути есть испытание силы веры в неземное. Смысл бытия отвоевывается у небытия ценой бесконечного прыжка веры через пропасть непонимания. Бог – это Тайна, где мысли наши истощаются и останавливаются, – говорил Шломо ибн Габироль. Но только это сверхмыслимое бытие в вере, тайная Память сердца, которая пребывает превыше человеческого разума, и придает земному существованию смысл.

Христианство изначально содержало в себе элементы тайного знания как с точки зрения формы своего существования, так и с точки зрения содержания самого знания. Христианское учение исходит из признания, что есть мир, отличный от реального, мир таинственный и непознанный, то, что можно отнести к сверхъестественному, но и само возникновение мира реального том тоже можно отнести к сверхъестественным явлениям. Поэтому в средневековье был принят догмат о сотворении богом мира из ничего. По мнению Августина, утвердившемся в средневековой культуре, всякий сотворенный предмет, как бы он ни был совершенен, не имеет самостоятельного, безусловного бытия, и, следовательно, может быть абсолютно обращен в ничто, то есть сделаться тем, чем был до творения. И поэтому изучение существующей земной реальности для средневекового человека – это трата времени. Познание природы Августин считает «суею мирской». И только бог, как источник познания (по мнению Августина), является предметом теории познания, так как он вносит свет в человеческий дух, в человеческую мысль и помогает людям находить правду [2;3]. Можно сказать, что в средневековье феномен тайнознания выступает санкционировано, но лишь в рамках богопознания.

В отличие от скептиков, Августин разделял представление о том, что познание возможно. Но за пределами познания находится причина всего сущего, поэтому ее невозможно коснуться мыслью [5, с.609]. Постигнуть сверхъестественное не может ни разум, ни знание, ни интеллект, но одна лишь вера. Хотя вера скорее относится к воле, чем к разуму. Однако Августин утверждает единство веры и познания, и разум он стремится не возвысить, а дополнить верой. Известная формула Августина гласит: «Разумей, чтобы мог верить, верь, чтобы разуметь». Возник дуализм веры и разума. Именно он в средневековый период был главным вопросом при формировании тайнознания как знания иррационального. Вклад Августина состоял в том, что он попытался обосновать первенство веры над разумом, то есть доказать, что существует именно иррациональное знание. Если у Платона иррациональное знание находилось где-то «посредине между полным незнанием» (совершенным невежеством) и истинным знанием, то в средние века оно предстало как вера и знание, воля и рассудок, божественное откровение в противоположность человеческому разуму. В таком виде проблема феномена тайнознания поднимается на более высокий уровень, так как рассматриваются не только область духа, но и затрагиваются пласты душевной жизни человека. А без веры в бога и без божественной благодати человек оказывается гораздо ниже того, чем он был в язычестве. Именно потому, что человеческая душа оказывается вознесенной над всем космическим бытием и «незримыми нитями связанной с трансцендентным богом, возникает особая ее глубина, ее бездонность, которая неведома была античному язычеству» [4, с.106], и которую с таким волнением открывает Августин. Поэтому, по его мнению, глубины «внутреннего человека» скрыты даже от него самого и их нельзя познать силами только одного естественного разума: для их постижения нужен сверхъестественный свет благодати. «Ты же, Господи, судишь меня, ибо никто из людей не знает, что есть в человеке, кроме духа человеческого живущего в нем... но есть нечто в человеке, чего не знает и сам дух человеческий, живущий в нем, а ты, Господи, создавший человека, знаешь все» [2, с.273]. То е. христианину открылись «тайники страданий человеческих», его душевные терзания между верой и неверием,

между богом и вечностью. Все это дало такой толчок в развитии тайнознания, как ни в какую иную эпоху. Можно сказать, что проблема рационального и иррационального стала в средневековье санкционированной. Именно в средневековье, когда религия была духовной и социальной силой, главным моралистом и главным ценителем регулятивных принципов научного познания, когда было превосходство религиозного авторитета над человеческим разумом, этот принцип принимался как безусловный и никакие попытки рационалистов не могли его поколебать.

В сфере познания преобладали иррационально-волевые факторы над рационально-логическими, а откровения религиозных догматов были непререкаемым авторитетом. Вера в бога – исходное человеческое познание (это основа тайнознания в средневековье). Уменьшить эту пропасть между верой и разумом пытались с помощью теории (концепции) «о двойственности истины». И даже когда Фома Аквинат хотел избежать крайностей в решении этой животрепещущей проблемы и всевозрастающей роли научного познания и объявил о гармонии веры и разума, он сделал это с твердым убеждением приоритета веры над разумом. Однако Отцы церкви усиленно вели борьбу против этого учения, решительно ставя разум на второе место, а в 1512 году учение о двойственности истины было официально запрещено.

Таким образом, тайнознание как социокультурный феномен живо реагировало на все эпохальные изменения; оно не только само формировалось как знание, но и параллельно выполняло функцию «стража». Религия, захватив политическую и идеологическую власть в свои руки, осуществляла жесточайший контроль над развитием других форм духовной культуры, в том числе тайнознания и науки. Такой контроль повлек за собой неоднозначные последствия для тайнознания. Часть тайнознания в средние века оформилась в систематизированное богословское вероучение, которое должно было стать неотъемлемой частью любой науки. «Внутримирскую» теологию использовали для объяснения природных явлений. Сами же цели познания оставались непостижимыми, то есть опять возвращали к Первотворцу. Часть же тайнознания, воспринималась как ересь либо суеверие, и стала нелегитимной.

Религиозно-мистико-теоретическое тайнознание внесло неопределимый вклад в познание природы, которая находилась вне поля зрения официальной теологии. Как было отмечено, природа в средневековье не есть нечто самостоятельное со своей целью и законами. Она создана для человека, для его блага во всех своих проявлениях, и только всемогущий Бог способен нарушить естественный ход природных процессов, то есть изменился онтологический статус природы. Можно сказать, что такое понимание природы очень близко первобытному магизму, а также научным концепциям о том, что человек может подчинить природу себе. «...Бог не только положил на природе стихий знак их несовершенства, – говорит Златоуст, – но и соизволил рабам своим человекам повелевать ими, чтобы, если по виду их ты не узнаешь их рабства, то от повелевающих ими ты научился, что все они подобные тебе рабы [11, с.126].

Таким образом, тайнознание в средневековье формируется как знание через веру: главным считается духовное самосовершенствование и познание Бога в себе, а познание природы, как и земного бытия, становится «суею мирской». В средневековой культуре, в связи с переходом от космоцентризма к теоцентризму, от мифопоэтической картины мира к религиозной, и представления о тайнознании и его модификациях как бы претерпевают перерождение. Прежде всего, трансформируются модификации тайнознания теоретической направленности: они становятся условно-теоретическими, т.к. неразрывно связаны с познанием божественного, сверхъестественного, но не с помощью научно-обоснованных гипотез и теорем, а с помощью разъяснения важности памяти, традиций, устной передачи выученных на память текстов, гимнов, правил, канонов, образов. Все это становилось догматами веры, духовными ориентирами поисков высших ценностей, важнейшим онтологическим и этическим фундаментом вероисповедания. Что касается субъекта теологических познаний – человека, – то, в отличие от античной эпохи, где человек – это частичка микрокосмоса, высший в ряду природных существ, – в средневековье человек вырван из природы и поставлен вне ее, по замыслу бога он выше космоса и должен управлять природой и быть ее господином. Этот сверхприродный статус хотя и пошатнулся, но утратить его он не может, так как человек полностью зависит от божественной милости и только вера в бога не только во всем помогает человеку, но и непосредственно связывает его личными узами Первотворца с человеческой душой, которая оказывается вознесенной над всем космическим бытием и незримыми нитями связана с трансцендентным богом. Как говорит Августин: «...Душа разумная выше себя не имеет иной природы, кроме Бога, Который сотворил мир и Которым создана и она» [1, с.106].

Кроме того заметно трансформировались функции тайнознания – познавательные: богопознавательные и квазинаучные; социокультурные: охранные, повелительные, организационные; духовные: самосовершенствование, работа с культурной памятью (воспоминания).

Литература:

1. Августин Аврелий. О граде Божиим в двадцати двух книгах : в 4-х т. / Августин Аврелий; [пер. с латин. М. Е. Сергеенко]. — М. : Спасо-Преображенский Валаамский монастырь, 1994.
2. Августин Аврелий. Исповедь блаженного Августина, епископа Иппонского / Августин Аврелий ; [пер. с латин. М.Е. Сергеенко]. — М.: Ranaissance, 1991. — 448 с.
3. Августин. Творения : в 4-х т. / Августин ; [пер. с латин. М.Е. Сергеенко]. — СПб. : Алетейя ; К. : УЦИИМ. — Пресс, 1998—Т. 1. — 1998. — 442 с.Т. 2. — 1998. — 463 с.
4. Аверинцев С.С. Мировоззренческий стиль : подступы к явлению Лосева / С. С. Аверинцев // Аверинцев С.С. Словарь. — К., 2000. — С. 318—326.
5. Антология мировой философии : в 4-х т. / ред. сост. В. В.Соколов. — М. : Мысль, 1969. Т. 1: Философия древности и средневековья. — 1969. — 610 с.
6. Гриньова Н. В. Таємнознавство як предмет філософської рефлексії: доцільність легітимації і можливості концептуалізації / Н.В. Гриньова // Мультиверсум. Філософський альманах. — 2008. — Вип. 73. — С. 150—158.
7. Гринева Н.В. Трансформации функции тайнознания от первобытного периода до наших дней. Философско-антропологический анализ / Н.В. Гринева // Гілея. Науковий вісник. – 2010. - №10. – С. 284—293.
8. Гринева Н.В. Тайнознание в социокультурных контекстах : специфика репрезентаций и интерпретационные возможности [монография] / Н.В. Гринева. — Х. : Консум, 2005. — 272 с.
9. Иллюстрированная история суеверий и волшебства. От древности до наших дней / [сост. д-р Леманн]. — К. : Украина, 1991. — 400 с.
10. Искушение «тайным знанием». — М. : Oguwmpria, 1997. — 91 с.
11. Творения Иоанна Златоуста, Архиепископа Константинопольского. — СПб. : Тип. Андреева, 1896—Т.2, Кн. 1. — 1896. — 300 с.
12. Уэвелль В. История индуктивных наук от древнейшего и до настоящего времени / В. Уэвелль ; [пер. с англ. М. А. Антоновича, А. Н. Пыпина]. — СПб, 1867. — 589 с. — (Сочинения : в 3 т. / В. Уэвелль ; Т.1).
13. Шюре Э. Великие посвященные / Э. Шюре.—М. : Книга-Принтшоп, 1990. — 418 с.
14. Элиаде М. Миф о вечном возвращении. Архетипы и повторяемость / М. Элиаде ; [пер. с фр. А. А. Васильева]. — СПб. : Алетейя, 1998. — 250 с.

© Гринева Н.В., 2011.